Высшее образование в России Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia

ISSN 0869-3617 (Print), ISSN 2072-0459 (Online) http://vovr.elpub.ru

Критическое мышление – главная образовательная цель в эпоху искусственного интеллекта?

Научная статья
DOI: 10.31992/0869-3617-2026-35-8-9-70-93

Рудской Андрей Иванович – д-р техн. наук, профессор, вице-президент РАН, ректор, SPIN-code: 2705-9480, Author ID: 179098, rector@spbstu.ru
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия
Адрес: 195251, г. Санкт-Петербург, Политехническая ул., д. 29

Кабышев Сергей Владимирович – председатель Комитета по науке и высшему образованию, SPIN-код: 9656-5860, Author ID: 502204, svkabyshev@mail.ru
Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации
Адрес: 109012, г. Москва, Охотный ряд, д. 1

Романов Павел Иванович – д-р техн. наук, профессор, директор научно-методического центра Координационного совета Минобрнауки России по области образования «Инженерное дело, технологии и технические науки» – секретариата Координационного совета, SPIN-код: 7287-2518, Author ID: 422158, Scopus ID: 57206195559, pavelromanov-umo@yandex.ru
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия
Адрес: 195251, г. Санкт-Петербург, Политехническая ул., д. 29

Аннотация. *В третьем тысячелетии человечество вступило в эпоху бурных перемен. Возникающие проблемы и поиск вариантов их решения требуют нового понимания со стороны учёного сообщества, которое предполагает прежде всего переоценку ценностей на цивилизационно-исторических весах национальных интересов и, как итог, – избавление от укоренившихся стереотипов и мифов, в том числе проистекающих из слепых заимствований казавшихся передовыми идей и методологических концептов. Особого внимания в этом плане и тщательного разбора требуют педагогические подходы и установки, которыми определяется формирование руководящих идей для принятия человеком любых решений, само отношение к миру и своему Отечеству, его профессиональная, управленческая и бытовая логика. В рамках данной статьи предлагается внимательно всмотреться в имеющий весьма широкое хождение в профессиональных кругах концепт «критическое мышление», его генезис, смысловые элементы. Риски, связанные с концептом «критическое мышление», существенно возрастают, прежде всего ввиду широкого распространения и развития генеративного искусственного интеллекта.*

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.
© Рудской А.И., Кабышев С.В., Романов П.И., 2026.

CC BY 4.0

Данная работа не претендует на исчерпывающее или «итоговое» суждение об истине. Напротив, предлагается рассмотреть «критическое мышление» в контексте той объективной сложности и многомерности, которая делает этот феномен предметом столь острых идеологических и педагогических противоречий. Статья акцентрирует внимание на тех аспектах «критического мышления», которые систематически замалчиваются в либеральном педагогическом дискурсе. Соответственно, применение в данной работе «оптики дополнительности» позволяет получить объёмную картину, чтобы принять взвешенное решение о целесообразности использования неоднозначного и контекстно-насыщенного концепта «критическое мышление» в российских образовательных реалиях и перспективах.

Ключевые слова: *критическое мышление, творческое мышление, педагогика, искусственный интеллект, идеологический концепт, образовательная цель, психология мышления, духовно-нравственные ценности*

Для цитирования: Рудской А.И., Кабышев С.В., Романов П.И. Критическое мышление – главная образовательная цель в эпоху искусственного интеллекта? // Высшее образование в России. – 2026. – Т. 35, № 8-9. – С. 70–93. – DOI: 10.31992/0869-3617-2026-35-8-9-70-93.

Is Critical Thinking the Main Educational Goal in the Era of Artificial Intelligence?

Original article
DOI: 10.31992/0869-3617-2026-35-8-9-70-93

Andrey I. Rudskoy – Dr.Sci. (Engineering), Professor, Vice President of the RAS, Rector, SPIN-code: 2705-9480, Author ID: 179098, rector@spbstu.ru
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation
Address: 29, Polytechnicheskaya str., St. Petersburg, 195251, Russian Federation

Sergei V. Kabyshev – Chairman of the Committee for Science and Higher Education, SPIN-code: 9656-5860, Author ID: 502204, svkabyshev@mail.ru
Of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation
Address: 1, Okhotny Ryad, Moscow, 109012, Russian Federation

Pavel I. Romanov – Dr.Sci. (Engineering), Professor, Director of the Scientific and Methodological Centre of the Coordination Council of the Ministry of Science and Education of the Russian Federation in the field of education "Engineering, Technologies and Technical Sciences", SPIN-code: 7287-2518, Author ID: 422158, Scopus ID: 57206195559, pavelromanov-umo@yandex.ru
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation
Address: 29, Polytechnicheskaya str., St. Petersburg, 195251, Russian Federation

Abstract. In the third millennium, humanity has entered an era of tumultuous change. The emerging problems and the search for ways to solve them require a new understanding on the part of the scientific community, which primarily involves reassessing values on the civilizational and historical scales of national interests and, as a result, getting rid of entrenched stereotypes and myths, including those stemming from blind imitation of ideas and methodological concepts that once seemed cutting-edge. In this regard, particular attention and thorough analysis are required

for the pedagogical approaches and attitudes that determine the formation of guiding ideas for a person's decision-making, their attitude towards the world and their homeland, and their professional, managerial, and everyday logic. Within the framework of this article, it is proposed to take a close look at the concept of "critical thinking," which is widely used in professional circles, as well as its genesis and semantic elements. The risks associated with the concept of "critical thinking" are significantly increasing, primarily due to the widespread adoption and development of generative artificial intelligence.

This work does not claim to provide an exhaustive or "final" judgment on the truth. On the contrary, it proposes to examine "critical thinking" in the context of the objective complexity and multidimensionality that makes this phenomenon the subject of such acute ideological and pedagogical contradictions. The article focuses on those aspects of "critical thinking" that are systematically silenced in liberal pedagogical discourse. Accordingly, the use of "complementarity optics" in this work makes it possible to obtain a comprehensive picture in order to make a well-considered decision about the appropriateness of using the ambiguous and context-rich concept of "critical thinking" in Russian educational realities and prospects.

Keywords: critical thinking, creative thinking, pedagogy, artificial intelligence, ideological concept, educational goal, psychology of thinking, spiritual and moral values

Cite as: Rudskoy, A.I., Kabyshev, S.V., Romanov, P.I. (2026). Is Critical Thinking the Main Educational Goal in the Era of Artificial Intelligence? *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia.* Vol. 35, no. 8-9, pp. 70-93, doi: 10.31992/0869-3617-2026-35-8-9-70-93 (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Каждый исторический период, согласно теории циклов Н.Д. Кондратьева, имеет свои измерения, свою высоту инновационных волн, имеющих различную амплитуду и степень интенсивности. После периодов сравнительно плавного эволюционного развития наступают периоды «штормовых» радикальных перемен. Именно в такую эпоху бурных перемен вступило человечество в третьем тысячелетии. Мир становится опасным и неузнаваемым. Возникающие проблемы и поиск вариантов их решения требуют нового понимания со стороны учёного сообщества, иного образа мыслей и действий, который не может быть ни инерцией, ни подражанием, ни прожектёрством, а предполагает прежде всего переоценку ценностей на цивилизационно-исторических весах национальных интересов и, как итог, – избавление от укоренившихся стереотипов, мифов и наваждений, в том числе проистекающих из слепых заимствований казавшихся передовыми идей и методологических концептов. Особого внимания в этом плане и тщательного разбора требуют педагогические подходы и установки, которыми определяется формирование руководящих идей для принятия человеком любых решений, само отношение к миру и своему Отечеству, его профессиональная, управленческая и бытовая логика. В рамках данной статьи предлагается внимательно всмотреться в имеющий весьма широкое хождение в профессиональных кругах концепт критического мышления, его генезис, смысловые элементы, риски полномасштабного внедрения в российскую систему образования. При этом необходимо сделать важную методологическую оговорку, определяющую ракурс и границы данного исследования.

Авторы настоящей статьи отдают себе отчёт в том, что представленный материал носит характер не нейтрально-академического анализа, а своего рода предельного взгляда с крайней точки на феномен, который категориально и содержательно всё более активно проникает в образовательные практики.

Иными словами, данная работа не претендует на исчерпывающее или «итоговое» суждение об истине. Напротив, предлагается рассмотреть «критическое мышление» в контексте той объективной сложности и многомерности, которая делает этот феномен предметом столь острых идеологических и педагогических противоречий. Цель анализа с такого ракурса – не априорное отрицание ценности критических навыков как таковых, а демонстрация тех рисков, идеологических имплантов и манипулятивных механизмов, которые могут скрываться за внешне привлекательным термином, который сам по себе не является нейтральной академической категорией. Этот взгляд даёт необходимую, но, разумеется, не единственную теоретическую проекцию, при том что все они должны быть учтены при выработке государственной образовательной политики, если мы действительно стремимся к тому, чтобы она была научно обоснованной.

Обоснованность и эвристическая ценность такого подхода находят своё подтверждение в попытке инструментализации диалектической методологии, предпринятой профессором В.В. Лазаревым в социогуманитарной сфере в предметном поле юриспруденции, но имеющей значительно более широкий и пока не освоенный должным образом концептуальный горизонт. Развивая идеи, связанные с «юридизацией» принципа дополнительности Нильса Бора, Лазарев показал, что для полного описания сложных систем, будь то квантовая физика или социальные институты, могут потребоваться два взаимоисключающих, но и взаимодополняющих подхода [1]. Эти подходы нельзя применять одновременно в рамках одной операции, но оба они равно необходимы для понимая целого.

Применительно к сфере образования и формирования мышления это означает следующее.

1. Отказ от бинарной логики («или – или») в пользу целостного восприятия («и – и»). Это предполагает, в частности, что существует ценность самостоятельного (в том числе контрпозиционного) творческого мышления (безусловно признаваемая и авторами настоящей статьи), но одновременно существуют риски превращения педагогической технологии в инструмент «цветных революций».

2. Понимание дискурса как поля постоянного напряжения. Спор о «критическом мышлении» – не противостояние «правильного» и «неправильного», а отражение фундаментального противоречия между аутентичным развитием личности и внешним управлением сознанием. Это противоречие не может быть устранено, оно может быть лишь осознано и уравновешено.

3. Отказ от догматизма в пользу взвешивания. Задача исследователя и педагога – не следовать единственной заданной трактовке (ни западной прагматической, ни изоляционистской), а неизменно осуществлять взвешивание принципов. Если рассматривать образование как систему, стремящуюся к равновесию, то мы видим не образ застывших весов, а образ непрерывного «качания» между инновациями и традициями, критикой и доверием. Такое взвешивание, однако, не означает примирение с враждебным и деструктивным, уравнивание в «правах» правды и лжи, красоты и пошлости, а предполагает чёткое осознание национальной меры весов, определяемой традиционными духовно-нравственными ценностями, воспринятыми от предков, и характеризующими потенциал взаимообусловленного развития суверенной государственности и свободы личности.

Таким образом, предлагаемая статья может быть отнесена к одному из полюсов в динамике этого «качания», и представляет собой намеренно крайнюю, но легитимную точку зрения, акцентирующую внимание на тех аспектах «критического мышления», которые систематически замалчиваются в либеральном педагогическом дискурсе. Соответственно, применение в данной работе «оптики дополнительности» позволяет по-

лучить объёмную картину, чтобы принять взвешенное решение о целесообразности использования неоднозначного и контекстно-насыщенного концепта «критическое мышление» в российских образовательных реалиях и перспективах.

О негативных результатах «соросовских технологий» для отечественной системы образования, накрывших Россию в девяностые и нулевые годы, написано множество статей. Подробное, своего рода «патолого-анатомическое» исследование некоторых из этих технологий представлено в статье профессора Д.В. Винника «Критическое мышление как последний козырь Госдепа»[1]. В настоящее время риски, связанные с данными технологиями, существенно возрастают, прежде всего ввиду распространения генеративного искусственного интеллекта и внешне противополагаемого ему критического мышления.

Опасения по поводу использования иностранного генеративного искусственного интеллекта (далее – ИИ) высказаны уже многими представителями профессионального сообщества и на государственном уровне. Например, известный философ и политолог А.Г. Дугин справедливо считает, что «генеративный ИИ создан на Западе и представляет собой структуру западного мышления, то есть колониальную сеть, набрасываемую на все общества и подчиняющую их западным смыслам, целям, процедурам. У ИИ есть цивилизационная идентичность. И она западная»[2].

«Без собственных моделей мы имеем дело с агентами влияния Запада, которые внедряют не просто чужие технологии, а непостижимые для нас механизмы, способные повести себя как пейджеры Хезболлы или мобильные телефоны иранских лидеров… В английском языке есть понятие “weaponization” – превращение всего в оружие. Западная цивилизация вепонизировала порох, машины вепонизировала в танки, а самолёты – в бомбардировщики. Теперь Запад активно вепонизирует ИИ, изначально созданный как инструмент этой вепонизации. И мы берём это токсичное, опасное оружие и начинаем с ним играть, доверяем его детям… Можно легко запрограммировать ИИ утверждать: «Крым – русский», но всё остальное он будет транслировать сквозь глобалистскую повестку. Вопрос не в коррекции данных или их лицензировании, а в создании цивилизационного кода суверенного русского ИИ»[3].

На заседании Российского географического общества Президент России В.В. Путин заявил: «Только опираясь на нашу культуру, историю, языковое богатство, традиции, традиционные ценности, мы сможем создать именно суверенные модели искусственного интеллекта, а не копировать чужие решения, что приводит и к технологической, и мировоззренческой зависимости, а, значит, в конечном итоге и к утрате суверенитета»[4].

Проблема рисков использования в системе образования пока ещё не суверенного генеративного ИИ масштабна, и раскрыть её мы планируем в последующих статьях. Сейчас более подробно рассмотрим тему «критического мышления», у которой в контексте всеобщего интереса к ИИ открылось второе дыхание. Например, в докладе

[1] Винник Д.В. Критическое мышление как последний козырь Госдепа // Взгляд. Деловая газета. – 2024. – 29 января. – URL: https://vz.ru/opinions/2024/1/29/1250093.html?ysclid=mpl40sewlm955320131 (дата обращения: 09.05.2026).

[2] Дугин А.Г. Искусственный интеллект и колониализм // Русстрат. – URL: https://russtrat.ru/point-of-view/1754651555-13000?ysclid=mobboqs5zh950446889 (дата обращения 03.03.2026).

[3] Дугин А.Г. ИИ хочет быть господином, а не слугой человека // Изборский клуб. – URL: https://izborsk-club.ru/27158 (дата обращения 03.03.2026).

[4] XVII съезд Русского географического общества // Сайт Президента России. – 2025. – 23 октября. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/78274 (дата обращения 03.03.2026).

АНО «Цифровая экономика» отмечено, что ряд экспертов считает: «сформировавшаяся привычка полагаться на искусственный интеллект при поиске ответов на вопросы снижает когнитивную нагрузку и может отрицательно сказаться на развитии навыков критического мышления. Образовательные организации, которым важны результативность и качество образования, будут всё больше внимания уделять речи и рассуждению, развитию критического мышления и творчества»[5]. Приведённые выше цитаты характеризует наметившуюся в последнее время в медиапространстве тенденцию представления задачи развития «критического мышления» как одной из главных образовательных целей в эпоху ИИ. При этом сами генеративные технологии пока ещё не суверенного ИИ эту информацию генерируют, тиражируют и доносят в персонифицированном виде до школьников, студентов и их родителей, формируя соответствующее общественное мнение.

Термин «критическое мышление» появился в России незаметно, и людям, далёким от педагогики, психологии и философии, может даже показаться, что он имеет отечественные корни. Это объясняется тем, что слово «мышление» исконно русского происхождения, а слово «критика» воспринимается как наследие Древней Греции. Далеко не все за словами «критическое мышление» сразу разглядят англоязычный термин *critical thinking*, его столетнюю историю, скрытые смыслы, движущие силы и технологии продвижения.

При этом очень важно отметить, что слово «критический» в русском языке имеют несколько принципиально разных значений. Поэтому, с точки зрения логики и традиций русского языка, термин «критическое мышление» некорректен, так как не является однозначным и интуитивно понятным. Но, возможно, эта неоднозначность термина не случайна, и выполняет скрытые задачи. Попробуем в этом разобраться и ответить на следующие вопросы:

- Нужно ли в России включать формирование «критического мышления» в перечень образовательных целей в наступающую эпоху искусственного интеллекта?
- Поможет ли «критическое мышление» развивать когнитивные возможности человека и его естественный интеллект?
- Сможет ли развитие «критического мышления» у детей защитить их от мошенничества и манипуляций?

В конце 2025 года состоялось заседание Государственного Совета, посвящённое вопросам подготовки кадров для экономики Российской Федерации. На этом заседании Президент России В.В. Путин заявил, что «в ближайшие 10–15 лет будет крупнейший в истории мира технологический прорыв, связанный с искусственным интеллектом, и нужно подойти к нему в полной готовности. Очень важно в то же время не терять фундаментальных основ нашей системы образования: это формирование у школьников и студентов самостоятельного, творческого мышления, навыков аналитической деятельности, в том числе способности критически оценивать предложения, сформированные искусственным интеллектом»[6]. На наш взгляд, в этих словах Президента России заложен ключ к поиску ответов на поставленные выше вопросы о термине «критическое мышление».

Прежде всего отметим: Президент России в очередной раз подтвердил, что базовым принципом модернизации должна быть опора на фундаментальные основы отечественной системы образования.

[5] Влияние искусственного интеллекта на образование // АНО «Цифровая экономика». – 2024. – URL: https://files.data-economy.ru/Docs/Vliyanie_ii_na_obrazovanie_.pdf (дата обращения: 09.04.2026).

[6] Заседание Государственного Совета // Сайт Президента России. – 2025. – 25 декабря. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/78860?ysclid=mpl765l8rw511319992 (дата обращения 03.03.2026).

Отечественные традиции классификации в области мышления

Немного из нашей истории. Одним из базовых принципов отечественной системы образования, имеющим свои истоки в Российской Империи, является включение умственного воспитания в педагогические приоритеты. Например, в книге «Очерк общей педагогики» 1916 года воспитание рассматривается как сознательное, планомерное и последовательное воздействие на человеческое существо для развития всех его физических и духовных сил и способностей [2]. В советской педагогике умственное воспитание также связано прежде всего с целенаправленной деятельностью по развитию умственных сил и мышления учащихся, по формированию у них научного мировоззрения [3].

Отечественная педагогика всегда базировалась на научных достижениях в области психологии мышления. Особое внимание уделялось онтогенетическим аспектам. При разработке педагогических методик учитывалось, что мышление ребёнка формируется прижизненно, в ходе его предметной деятельности и общения. Особую роль играют целенаправленные воздействия в форме обучения и воспитания. Наглядно-действенное, наглядно-образное и словесно-логическое мышление – это последовательные ступени онтогенетического развития человека [4].

Психологами доказана возможность более быстрого целенаправленного формирования у ребёнка тех или иных особенностей его мышления, однако они всегда очень внимательно и ответственно изучали вопрос о необходимости и целесообразности использования этих возможностей. Наглядно-образное мышление, эмпирические обобщения играют важную роль и в жизни взрослого человека. Они не являются лишь временным этапом, который нужно пройти как можно быстрее, чтобы заменить его словесно-логическим мышлением. Например, известный советский психолог А.В. Запорожец писал: «Ум человека, у которого в детские годы не сформировалось должным образом непосредственное восприятие окружающего и наглядно-образное мышление, может получить впоследствии одностороннее развитие, приобрести чрезмерно отвлечённый, оторванный от конкретной действительности характер» [5, с. 256–257]. Советские учёные также подчёркивали, что при перестройках педагогического процесса необходимо предусмотреть не только то, чего ребёнок данного возраста способен достигнуть при интенсивной тренировке, но и каких физических и нервно-психических затрат будет ему это стоить. «Не всякое обучение является развивающим: “Если в обучении перед школьниками ставятся слишком лёгкие или очень трудные задачи, не стимулирующие их продуктивное мышление, то обучение не будет развивающим”» [4, с. 230].

Описанная выше классификация мышления (наглядно-действенное, наглядно-образное, словесно-логическое) не является единственной. В классической отечественной психологической литературе используется ещё несколько «парных» классификаций. Например, различают:

- теоретическое и практическое мышление;
- интуитивное и аналитическое (логическое) мышление;
- продуктивное и репродуктивное мышление [4].

Анализ отечественной классификации мышления показал, что все используемые термины понятны не только специалистам, но даже школьникам, так как в своей основе используют однозначные слова русского языка («наглядный», «действие», «образ», «слово», «логика», «теория», «практика», «интуиция», «аналитика», «продуктивный»). Такой подход к формированию научных терминов естественен. Он позволяет разговаривать на одном языке не только учёным, но и всем участникам отношений в сфере образования: обучающимся и их родителям, педагогам, работодателям, органам управления образования, и на научной основе совместно

выстраивать единый целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, семьи, общества и государства.

Новый, неоднозначный термин – *critical thinking* / «критическое мышление» – пришёл в Россию в 1998 году при организационной и финансовой поддержке «Института Открытое общество» (Фонд Сороса) через проект «Развитие критического мышления через чтение и письмо» (далее – РКМЧП). Очень показательно это событие прокомментировал тренер программы РКМЧП, профессор из США Д. Клустер: «От Канзаса до Казахстана, от Мичигана до Македонии школьные учителя и университетские профессора стремятся привить своим ученикам способность мыслить критически. Мы знаем, что критическое мышление – это что-то заведомо хорошее, некий навык, который позволит нам успешно справляться с требованиями XXI века. Но всё-таки что такое критическое мышление? Этот вопрос мне задавали и учителя, которые только начинают экспериментировать с новыми педагогическими подходами, и коллеги с немалым практическим опытом именно в области критического мышления. Дать определение этого термина весьма непросто: слишком много различных параметров – умений, видов деятельности, ценностей – он в себя включает»[7].

В этой фразе буквально всё противоречит российским традициям:

- термин «критическое мышление» не имеет общепринятого определения, а его лексический анализ приводит к многозначности трактовки;
- распространители термина утверждают, что «критическое мышление – это что-то заведомо хорошее», но подтверждения этого не приводят;
- неопределённый навык – «критическое мышление» – внедряют без учёта возрастных особенностей обучающихся и национальных традиций.

Причём американский профессор Д. Клустер сам поднимает проблему неопределённости термина. Он отмечает, что в литературе встречается много определений этого термина, и отнюдь не все они пребывают в согласии друг с другом. Эта проблема имеет долгую, сначала американскую историю. Попробуем в ней разобраться.

«Критическое мышление»: известная версия американской истории

Наиболее известную версию американской истории «критического мышления» находим в книге «Исследования критического мышления» Дж. Блэра, рекомендованной официальным сайтом «Ассоциации неформальной логики и критического мышления (США, Канада)» [6], и в статье Д. Хичкока в «Стэнфордской философской энциклопедии» [7]. Кратко рассмотрим эту историю.

Считается, что термин «критическое мышление» ввёл Дж. Дьюи в 1910 году в книге «Как мы мыслим» для обозначения образовательной цели, которую он также называл «научным мышлением», «рефлексивным мышлением», «рефлексией» или просто «мышлением». Идеи Дж. Дьюи были воплощены в жизнь некоторыми школами США, участвовавшими в «Восьмилетнем исследовании» 1930-х годов [6]. При этом необходимо обратить внимание, что в 1933 году Дж. Дьюи выпустил переработанное издание книги «Как мы мыслим». Он исключил из неё слова «критическое мышление», отдав предпочтение термину «научное мышление», «рефлексия» или «рефлексивное мышление» [6]. Но на этом история термина «критическое мышление» не закончилось.

Э. Глейзер в 1941 году описывает метод и результаты эксперимента по развитию мышления, проведённого осенью 1938 года, и вновь использует термин «критическое мышление. В 1956 году разработали таксономию образовательных целей. Она стала

[7] Клустер Д. Что такое критическое мышление? // Журнал «Русский язык». – № 29/2002. – URL: https://rus.1sept.ru/article.php?ID=200202902 (дата обращения 04.03.2026).

известна как таксономия Блума. Интересна следующая позиция Б. Блума: «некоторые называют это “критическим мышлением”, Дж. Дьюи и другие – “рефлексивным мышлением”, а третьи – “решением проблем”; в таксономии же мы использовали термин “интеллектуальные способности и навыки”» [7].

В 1962 году была опубликована знаменитая статья Р. Энниса под названием «Концепция критического мышления: предлагаемая основа для исследований в области преподавания и оценки способности к критическому мышлению». Р. Эннис определил «критическое мышление» как «правильную оценку утверждений» [6, с. 9]. На основе этого определения он выделил 12 «аспектов» и предложил использовать полученную структуру в качестве основы для разработки спецификаций тестов на «критическое мышление».

Таким образом, в течение многих десятилетий «критическое мышление» развивалось американскими учёными и педагогами как экспериментальная педагогическая технология. Переломными в истории термина «критическое мышление» стали 1980-е годы. С 1980 года в Калифорнии стала проводиться масштабная ежегодная международная конференция по «критическому мышлению» и реформе образования. Она собирала десятки тысяч педагогов со всех уровней образования из разных уголков мира. Также с 1980 года система государственных университетов Калифорнии стала требовать от всех студентов пройти курс по «критическому мышлению». С этого момента образовательные учреждения по всему миру начали включать «критическое мышление» в учебные программы и системы оценки [7].

При анализе истории «критического мышления» в версии «Стенфордской энциклопедии философии» может сложиться впечатление, что «критическое мышление» – это педагогическая технология, просто имеющая «неудачное» название. Для исправления этого «недостатка» нужно было просто отказаться от слова «критическое», как это и сделал тот, кто его первым использовал, – Дж. Дьюи. И по примеру Дж. Дьюи использовать более уместные термины: «научное мышление», «рефлексивное мышление», или просто «мышление». Несовершенство, неточность, неопределённость термина «критическое мышление» было отмечено многими признанными классиками этой области. Но при этом «странный» термин «критическое мышление», не имеющий общепринятого определения, продолжал «тихо» жить в американской педагогике, до момента, пока в 1980-х годах он без видимых причин практически одномоментно не превратился в одну из главных образовательных целей мирового значения. Почему так произошло? Это результат действия диалектического закона о переходе количества в качество? Или есть мощные скрытые факторы, не раскрытые в «Стенфордской энциклопедии философии»? Например, идеологические. Попробуем найти ответы на эти вопросы.

Для начала рассмотрим области профессиональных интересов родоначальника термина «критическое мышление» Дж. Дьюи. В статье [8] отмечается, что для Дж. Дьюи: «школа была главным инструментом социальной реконструкции, а педагогика – практическим выражением философии. Всю свою жизнь Дж. Дьюи посвятил борьбе за идеалы демократии. Он показывал неразрывную связь демократии и образования и обосновал необходимость радикального реформирования массовой школы» [8, с. 35]. То есть изначально для Дж. Дьюи «критическое мышление» было не только философской и педагогической позицией, но и идеологическим инструментом.

Если внимательно рассмотреть детали истории «критического мышления», представленные в «Стенфордской энциклопедии философии» и упомянутые в ней классические научные труды, то можно чётко увидеть идеологическую составляющую. Например, в одной из самых известных в России книг Д. Халперн «Психология критического

мышления» [9] приводятся характерные детали вышеописанного исследования Б. Блума: «Во время первых исследований установок на мышление студентам предлагалось решить ряд задач на логическое мышление. Вот образец (предположим, что приведённые ниже утверждения верны). Любые действия, которые ослабляют военную мощь США, должны быть признаны противозаконными. Любые забастовки ослабляют военную мощь США. Вывод (выберите один из ответов):

А. Все забастовки следует считать противозаконными.

Б. Право бастовать должно быть ограничено, но неразумно признавать противозаконными все забастовки.

В. Некоторые забастовки следует признать противозаконными.

(Правильный ответ – А.)» [9, с. 49].

Таким образом, в американской истории термина «критическое мышление» изначально присутствовал идеологический компонент.

«Критическое мышление» – инструмент цветных революций

Прежде чем перейти к разбору наиболее спорной версии «критического мышления», сделаем необходимую оговорку. Под этим общим названием в мировой литературе объединяются несколько существенно различных традиций. Первая – логико-аргументативная (Р. Эннис, Д. Хичкок, Дж. Блэр), понимающая «критическое мышление» как навыки анализа доводов, выявления ошибок рассуждения и оценки доказательств. Вторая – когнитивно-психологическая (Д. Халперн и другие), трактующая его как совокупность измеримых мыслительных навыков и установок. Третья – философско-образовательная, восходящая к «рефлексивному мышлению» Дж. Дьюи. И только четвёртая – так называемая «критическая педагогика» (П. Фрейре, Х. Жиру, П. Макларен) – придаёт «критическому мышлению» отчётливо социально-политический, эмансипаторный смысл. Именно эта, четвёртая, ветвь и вызывает наше основное беспокойство. Первые три по своим целям к политической программе «критической педагогики» прямого отношения не имеют, а их содержательное ядро – умение самостоятельно рассуждать и взвешивать доводы – вполне согласуется с отечественной педагогической традицией.

Малоизвестные в России и не афишируемые факты истории «критического мышления» мы находим в книге *The Palgrave Handbook of Critical Thinking in Higher Education* (далее – книга *The Palgrave Handbook*) [10]. В ней отмечено, что известный учёный Р. Пол рассматривал историю «критического мышления» не как единый непрерывный процесс, а как отдельные, хотя и накладывающиеся друг на друга волны. По его мнению, «первая волна» началась в 1970-х годах, когда в учебную программу была введена формальная и неформальная логика. В то время считалось, что «критическое мышление» лучше всего может быть развито в учебных заведениях, организующих специальные курсы по развитию навыков логики, рассуждения и аргументации.

В 1980-е годы началась «вторая волна» «критического мышления», которая развивалась представителями так называемой «критической педагогики». «Критическая педагогика» уделяла особое внимание «критическому мышлению» в отношении установок, эмоций, интуиции, человеческого бытия. Для представителей «второй волны» «критическое мышление» «включает в себя и, является составной частью, трёх вещей: мышления, бытия и действия. Критически настроенный человек проявляет критическую ориентацию по отношению к миру и, главное, обладает способностью действовать соответственно» [10, с 15-16].

Концепция «критического мышления» по версии «критических педагогов» была наглядно иллюстрирована благодаря использованию символичной фотографии на обложке книги Р. Барнетта «Высшее образование: критический подход». На фотографии

изображён студент перед линией танков в Пекине на площади Тяньаньмэнь во время трагических событий 1989 года.

Высшее образование, по мнению «критических педагогов», должно помочь учащимся не только критически взглянуть на мир, но и продемонстрировать активную критическую социально-политическую позицию по отношению к установленным нормам и практикам. В этом смысле «критическое мышление» определяет «готовность к действию в качестве критически настроенного гражданина мира». Воспитание «критического мышления» должно стать процессом радикального развития, а не просто познавательным процессом. Согласно Х. Жиру, «критическая педагогика» – это «образовательное движение, руководствующееся страстью и принципами, призванное помочь учащимся развить чувство свободы, распознать авторитарные тенденции и связать знания с властью» [10, с. 19].

«Критические педагоги» считают, что «критическое мышление» – это «критический анализ существующих социальных и политических реалий, позволяющий обеспечить большую свободу мысли и действий» [10, с.19]. Этого можно достичь, развивая в учениках и их преподавателях не только критически настроенных интеллектуалов, но и «критических активистов». Ключевыми теоретиками в этой области являются П. Фрейре, П. Макларен и Х. Жиру. «Их цель – поставить критическое мышление на службу радикальным преобразованиям недемократических обществ и несправедливых структур власти» [10, с. 19]. Анализируя вышесказанное с учётом истории последних 40 лет постсоветского пространства и Северной Африки, можно заключить, что «критическая педагогика» является технологией цветных революций.

«Критическое мышление» – кукловоды

Примечательно, что ни Д. Хичкок, ни Р. Пол, ни книга *The Palgrave Handbook* не упоминают о роли в истории «критического мышления» одного из самых почитаемых в настоящее время американских философов XX века – К. Поппера. И это поначалу непонятно, так как цели «критических педагогов» – «поставить критическое мышление на службу радикальным преобразованиям недемократических обществ и несправедливых структур власти» – фактически совпадает с аналогичной позицией К. Поппера, представленной в книге «Открытое общество и его враги». К. Поппер делает показательный комментарий к этой книге: «Опубликована книга была в 1945 году, когда война в Европе уже окончилась. Она была направлена против нацизма и коммунизма, против Гитлера и Сталина, которых пакт 1939 года сделал союзниками» [11, с. 7]. Это – известная риторика фальсификаторов истории Великой Отечественной войны и идеологов Холодной войны. Но не это главное. Главное, что К. Поппер не только указал на СССР как на главного врага, но и создал философские, ментальные основы борьбы с нашим обществом, с нашей историей и традициями. Следующая его цитата тому в подтверждение: «Как признание принципиально критического и, следовательно, революционного характера человеческого мышления… так и понимание того, что почти все проблемы и все (неавторитарные) источники нашего мышления коренятся в традиции, и именно традиция является объектом нашей критики, – все это позволяет критическому (и прогрессивному) учению о погрешимости открыть нам столь насущную перспективу для оценки как традиции, так и революционной мысли. И это учение, что еще важнее, показывает, что роль мышления заключается в проведении революций путем критических споров…» [12, с. 473].

К сожалению, принципы К. Поппера, сформулированные в цитате, уже были реализованы в СССР на практике. Сначала через лозунг «перестройка и гласность» в нашем обществе создали культ критики и «критического мышления» (тогда оно было частью «нового мышления»); потом хорошо управляемым потоком «критики» снесли

традиционные основы нашего общества; в завершение путём критических споров всех со всеми разрушили само государство.

Об этом открыто писал и сам Дж. Сорос: «Концепцию открытого общества можно легко понять, сравнив его с закрытыми обществами, взлелеянными тоталитарными режимами. Они оставались реальностью вплоть до распада советской империи в 1989 году. Открытые общества мира, обычно называемые обобщённо Западом, продемонстрировали сплочённость перед лицом общего врага … После распада советской системы капитализм, опирающийся исключительно на рыночные силы, представляет сегодня бóльшую опасность для открытого общества, чем тоталитарная идеология» [13, с. 15]. Это означает, что современная Россия, а впрочем, и многие другие страны, представляют для Дж. Сороса «бóльшую опасность», чем «тоталитарный» СССР. А значит, универсальное оружие открытого общества – попперовские технологии «критического мышления» – снова будет работать.

Прошло уже более трети века, как нет советской системы, но Дж. Сорос продолжает выделять деньги для борьбы с «авторитарными правительствами». Так, на Всемирном экономическом форуме в Давосе 2020 года Дж. Сорос объявил о создании им всемирной обучающей платформы *Open Society University Network (OSUN)* и выделении ей 1 млрд долларов[8]. Заявленная миссия *OSUN* комментариев не требует: развивать критическое мышление, открытые интеллектуальные исследования и основанные на фактах исследования для укрепления основ открытого общества на фоне авторитарного возрождения.

Интересно отметить, что с моментом создания Дж. Соросом в 1979 году (с целью финансовой поддержки формирования в обществах критического мышления) Фонда «Открытое общество» совпали по времени два важных, и при этом не объяснённых «Стэнфордской философской энциклопедией», события:

- активное развитие наиболее радикальной, связанной с «цветными революциями», версии «критического мышления» – «критической педагогики»;
- взрывное распространение «критического мышления» в качестве главной образовательной цели во многих странах мира.

«Критическое мышление»: разным странам разные пути

Книга *The Palgrave Handbook* содержит значимый для нашего исследования прогноз перспектив развития «критического мышления» в мировом разрезе. Цитируем:

«Во-первых, в Тихоокеанском регионе, особенно в Китае, критическому мышлению уделялось недостаточное внимание на протяжении десятилетий. На педагогику оказал влияние комплекс конфуцианских и культурных представлений об учителе как авторитете и негласных правилах передачи знаний, способствующих формированию национальной идентичности.

Во-вторых, существует параллельный смысл – особенно в новых странах Африки и Южной Америки, а также в более развитых странах Севера становится всё более очевидным, что критическое мышление является необходимой частью формирования критически настроенных граждан.

В-третьих, существует, особенно в Соединённых Штатах, обеспокоенность тем, что забота о критическом мышлении вытесняется стремлением повысить уровень квалификации выпускников под требования экономики. В Соединённом Королевстве высшие учебные заведения в основном отказались от критического мышления и перешли к навыкам, таким как «работа в команде», «комму-

[8] Джордж Сорос выделит $1 млрд на борьбу с авторитаризмом и изменением климата // Ведомости. – 2020. – 24 января. – URL: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2020/01/24/821442-dzhordzh-soros-videlit-1-mlrd?ysclid=mpl82xgohn562215083 (дата обращения 03.03.2026).

никация» и «лидерство». Мы можем предположить, что не случайно Соединённые Штаты и Соединённое Королевство входят в число стран, которые добились наиболее заметных успехов в маркетизации высшего образования и понимании его экономической ценности, в то время как именно в таких странах развитие критического мышления находится под угрозой» [10, с. 1].

Прогноз показателен списком стран, в которых, по мнению американских коллег, «критическое мышление» находится под угрозой: Китай, США и Британия. Приведённые аргументы причин «негативного» прогноза перспектив «критического мышления» в этих странах понятны, и их нужно учитывать при формировании предложений по использованию этого неоднозначного термина в российской системе образования. В России целесообразно, по примеру США и Британии, формировать квалификации выпускников под требования работодателей и развивать востребованные на рынке труда знания, умения и навыки, а не неопределённое «критическое мышление».

Как и в Китае, надо заботиться об авторитете учителей, сохранять традиционные духовно-нравственные ценности и национальную идентичность народов России. Но при анализе информации о Китае, вспоминается также упомянутая выше фотография студента перед линией танков на площади Тяньаньмэнь. И это не случайно. В книге «Советская система: к открытому обществу» Дж. Сорос [14] подробно рассказывает о действиях своего Фонда «Открытое общество» в Китае с октября 1986 года до момента его выдворения в связи с событиями на площади Тяньаньмэнь летом 1989 года. Скорее всего, именно правильная и жёсткая оценка роли соросовских технологий развития «критического мышления» в трагических событиях весны – лета 1989 года позволило КНР сохранить единство общества и добиться выдающихся экономических успехов. К сожалению, в СССР аналогичную оценку фондов Дж. Сороса сделать не успели.

В заключение анализа в книге *The Palgrave Handbook* делается следующий вывод: «Критическое мышление вызывает озабоченность во всём мире. Его присутствие может быть хрупким, и его интерпретация связана с целым рядом целей, которые сами по себе меняются. Следовательно, иногда кажется, что для того, чтобы идея критического мышления нашла широкую поддержку в обществе, её необходимо переосмыслить таким образом, чтобы её социальная и гражданская ценность стала более очевидной» [11, с. 2]. Сразу после опубликования этой идеи в 2015 году она была эффектно реализована на практике. Произошло событие, привлёкшее мировое общественное внимание к теме «критического мышления». В докладе Всемирного экономического форума (далее – ВЭФ) *Future of Jobs Report* 2016 года «критическое мышление» было включено в перечень десяти наиболее востребованных на рынке труда навыков[9]. В 2020 году ВЭФ опубликовал очередное исследование на тему тенденций и направлений в области рынка труда в перспективе до 2025 года. «Критическое и системное мышление» было поставлено в прогнозе на 2025 год на 4-е место[10].

Доклады ВЭФ *Future of Jobs Report* 2016 и 2020 годов выходили под редакцией К. Швааба и стали важным аргументом для сторонников продвижения «критического мышления» как одной из основных целей образования. Информация о прогнозах высокой востребованности «критического мышле-

[9] Schwab K., Samans R. The Future of Jobs: Employment, Skills and Workforce Strategy for the Fourth Industrial Revolution // World Economic Forum. 2016. – Geneva, Switzerland. – 159 p. – URL: https://reports.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs.pdf (дата обращения: 03.07.2026).

[10] Schwab K., Zahidi S. The Future of Jobs Report / World Economic Forum, 2020. – Geneva, Switzerland. – 163 p. – URL: https://reports.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2020.pdf (дата обращения: 03.07.2026).

ния» широко освещалась в прессе и научных работах, в том числе и в России.

Однако, согласно докладам ВЭФ F*uture of Jobs Report* 2023[11] и 2025[12] годов, рынок труда потерял интерес к «критическому мышлению». «Критическое мышление» полностью исключено не только из прогнозов на будущее, но и из потребностей работодателей на момент опроса в 2023 году. То есть прогноз, сделанный в 2020 году, который предсказывал на 2025 год уникальную востребованность на рынке труда работников с «критическим мышлением», оказался ошибочным. В прогнозах на 2030 год «критического мышления» тоже нет. Исчезновение «критического мышления» из докладов ВЭФ прошло очень незаметно для прессы и общественности. Также незаметно из этих докладов исчезло и авторство К. Шваба.

«Критическое мышление»: история и перспективы в России

В начале этого раздела необходимо сделать важную оговорку. За минувшие десятилетия термином «критическое мышление» пользовались сотни тысяч российских учителей и преподавателей. Подавляющее большинство из них никогда не были ничьими «агентами» и не преследовали никаких скрытых целей. Под этим заимствованным названием они совершенно искренне делали то, что всегда составляло существо русской школы: учили детей думать самостоятельно, рассуждать, отличать главное от второстепенного, проверять услышанное и прочитанное. По сути, они наполняли привнесённый извне термин привычным и здоровым отечественным содержанием. Наша критика направлена не против этих педагогов и не против их честного труда, а против конкретной идеологической версии «критического мышления» и тех институтов, которые стремились придать ему совсем иной, разрушительный смысл. Более того, сам факт, что русская педагогическая традиция оказалась достаточно сильной, чтобы «переварить» чужой термин и вложить в него своё содержание, лишь подтверждает нашу главную мысль: дело не только в словах, а и в том, какие цели и ценности за ними стоят.

Выше уже было отмечено, что термин «критическое мышление» вошёл с систему образования России через соросовский проект РКМЧП. Один из активных участников этого проекта С. Заир-Бек так описывает начало этой истории: «В середине 1990-х годов словацкое правительство инициировало реформу образования, и проект этот осуществляли американские педагоги. В 1997 году обучение технологии РКМЧП пошло сразу в нескольких странах – уже под эгидой «Международной ассоциации чтения», «Института Открытое общество» и «Словацкого консорциума демократической педагогики». Среди этих стран была и Россия. У американских тренеров была цель, чтобы мы смогли перенять какой-то опыт и какие-то знания, которые принесли они сами, а дальше пойти с этим опытом в классы и таким образом распространять технологию среди учеников и коллег – охватить школы, районы и так далее. Это цель любого сетевого проекта… Это было очень необычно, потому что никто не излагал теорию, не объяснял, что такое критическое мышление и как оно развивается через чтение и письмо. Далеко не сразу стало понятно, что в этом и есть смысл обучения… Приехавшие на проект российские педагоги с чувством глубокого скепсиса по отношению к американским преподавателям и с большой гордостью за российскую систему образования стали узнавать, что такое критическое мышление. На первый взгляд

[11] Zahidi S. The Future of Jobs Report// World Economic Forum. 2023. – Geneva, Switzerland. – 296 p. – URL: https://reports.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2023.pdf (дата обращения: 03.07.2026).

[12] Zahidi S. The Future of Jobs Report// World Economic Forum. 2025. – Geneva, Switzerland. – 290 p. – URL: https://forodelogistica.com/wp-content/uploads/2025/01/WEF_Future_of_Jobs_Report_2025_c.pdf (дата обращения: 03.07.2026)

общие принципы показались знакомыми, и многие думали: мы-то знаем, что это такое, мы уже давно так работаем»[13].

Показательной также является статья «Развитие критического мышления. Апробация технологии». Статья подробно анализирует технологию РКМЧП с позиций российского учителя. Приведём краткие выдержки: «В этом году к нам в колледж пришла посылка – подарок от института «Открытое общество (Фонд Сороса) – Россия». В одной из них речь идёт об американской технологии РКМЧП. Мы попробовали соотнести предложенные технологии уроков, в которых используются мудрёные термины «кластер», «стадия вызова», «рефлексия», с нашим опытом проведения уроков. И вот что получилось. …Термин «кластер» – это просто наше ассоциативное поле слов. «Стадию вызова» напоминают нам проблемные уроки... Дети намечают способы применения информации на практике – «рефлексия». Такие типы уроков, как «взаимообучение», «дискуссия», «урок-исследование», а тем более «письмо» – это известная работа по обучению написанию изложений и сочинений»[14].

Так в чём же новизна для России технологии РКМЧП? Какую версию «критического мышления» привнёс в Россию соросовский «Институт Открытое общество»? Ответы находим в одной из книг С. Заир-Бека, ставшего президентом ассоциации «РКМЧП – Россия»: «Мы вправе назвать РКМЧП новым подходом, потому что его использование предполагает отказ от традиционных представлений об обучении. Важен характер работы учеников и учителя: свобода в выборе точек зрения и отсутствие непреложных истин – всё можно обсуждать или подвергать анализу... Когда мы мыслим критически, задействованы не только разум, но и эмоции, и чувства. И как итог – критическое мышление учит способам активных действий, в том числе и социально значимых» [15, с. 5]. «Авторы технологии, вводя понятие критическое мышление, ссылаются на К. Поппера. Важнейшими положениями его работы «Открытое общество и его враги» являются противопоставление открытого и закрытого обществ» [15, с. 12]. Анализируя эту информацию, можно сделать вывод, что «Институт Открытое общество» спонсировал внедрение в систему образования России версии «критического мышления» в идеологии К. Поппера и представителей «критической педагогики». Именно эта версия, как мы видели выше, имеет тенденцию к внедрению прежде всего в страны Африки и Южной Америки. Но для самих США и Британии она не характерна.

Скорее всего, не случайность, что технология РКМЧП была сначала отработана именно в Словакии – стране бывшего соцлагеря, близкой нам ментально. Именно там можно было в начале 90-х годов детально познакомиться с российской педагогикой, её традициями и методиками. И на основе этой информации разработать технологию, внешне практически не отличимую от российской педагогической практики. Это повышало шанс быстрого и беспрепятственного её внедрения в нашу систему образования на всех уровнях, начиная с дошкольного. Флёр недосказанности и таинственности технологии только привлекал внимание. С. Заир-Бек так описывает самое начало проекта: «Поначалу … мало кто понимал, что же это такое – развитие критического мышления. Представьте: школьному учителю говорят: запускаем такой проект, РКМЧП, хотел бы ты в нём поработать? У любого здравомыслящего человека сразу возникнет вопрос: это с началь-

[13] Просто не хотелось останавливаться. Сергей Заир-Бек о развитии критического мышления и многом другом // Журнал «Библиотека в школе» № 9/2007. – URL: https://rus.1sept.ru/article.php?ID=200302802&ysclid=mm94tiwfxi732537123 (дата обращения 03.03.2026).

[14] Столбунова С. Развитие критического мышления. Апробация технологии // Журнал «Русский язык». № 28/2003. – URL: https://rus.1sept.ru/article.php?ID=200302802&ysclid=mtj7uw8kpo801088415 (дата обращения 03.03.2026).

ной школой связано? Будут учить читать и писать? – Нет. – А что делать? – А мы и сами не знаем. Приезжай и посмотри…»[15].

На первый взгляд, может сложиться впечатление, что «Институт Открытое общество» и словацкий «Консорциум демократической педагогики» прислали в Россию некомпетентных тренеров или неотработанную технологию. Но на каждом новом шаге анализа истории и сущности проекта РКМЧП всё больше понимаешь ошибочность первых впечатлений. Все «странности» проекта способствуют более глубокому, широкому и естественному распространению технологии в системе образования.

Попробуем с этих позиций взглянуть на обозначенные выше «странности» проекта.

1. Отсутствие определения «критического мышления» и теории проекта явно не случайность, а ключевой механизм внедрения технологии. Он работает по принципу «пустого знака»:

• в пустоту можно вписать любой желаемый смысл;

• позитивный окрас самоинтерпретации блокирует вопросы о реальных целях технологии;

• убеждённость в собственной правоте мотивирует людей распространять технологию «критического мышления» как «благое начинание».

Может показаться, что здесь кроется противоречие: мы утверждаем, что «критическое мышление» не имеет единого общепринятого определения, – и одновременно говорим о его идеологической нагруженности. Однако противоречия нет. Именно потому, что термин смыслово «пуст», его так удобно наполнять любым нужным содержанием. Идеологический заряд заключён прежде всего в том, каким смыслом его наполняют и в чьих руках оказывается этот «пустой знак». В руках добросовестного учителя он становился синонимом самостоятельного мышления; в руках идеологов «критической педагогики» – инструментом революционного переустройства общества.

2. Странное, на первый взгляд, название проекта – РКМЧП – содержало ключевые для начальной школы слова: «чтение», «письмо», «развитие мышления» и способствовало его проникновению в начальную школу и даже в детские сады, обеспечивало доступ к нашим детям.

Возникает вопрос, как соросовские идеологи планировали добиться выполнения своих целей, если они явно не декларировались и покрывались туманом недосказанности? Заявлялось, что главное – это технология, процесс, а цели РКМЧП каждый определит сам. Можно предположить, что авторы учли нашу ментальность и особенности русского языка: «Слово «критический» имеет разные значения в двух языковых культурах: в английском языке оно уже прежде всего означает «размышление, связанное с логичным суждением», а в российской традиции – это «размышление, связанное с вынесением неблагоприятной оценки, выявлением недостатков». Это определяется в первую очередь бытовым пониманием термина и традициями его употребления в жизни, отсутствием положительной практики формирования критического мышления в советской и российской системе образования» [16, с.7]. Нет сомнения, что большинство современных детей будут вкладывать в «критическое мышление» распространённый бытовой смысл. Критиковать намного проще, чем созидать. Про наличие научной и литературной критики дети узнают намного позже. Сначала их убедят в важности мыслить критически и для них начнётся «праздник непослушания», талантливо описанный в повести-сказке С. Михалкова.

Ситуация усугубляется тем, что в технологии РКМЧП открыто заявляется принцип

[15] Просто не хотелось останавливаться. Сергей Заир-Бек о развитии критического мышления и многом другом // Журнал «Библиотека в школе». – №9/2007. – URL: https://rus.1sept.ru/article.php?ID=200302802&ysclid=mm94tiwfxi732537123 (дата обращения 03.03.2026).

«отсутствия непреложных истин». Этот принцип позволяет на практике реализовать идею К. Поппера, о том, что «все проблемы коренятся в традиции, и именно традиция является объектом нашей критики» [12, с. 473]. В связи с этим в памяти всплывает цитата из романа «Отцы и дети» И.С. Тургенева: «Нигилист – это человек, который не склоняется ни перед какими авторитетами, который не принимает ни одного принципа на веру, каким бы уважением ни был окружён этот принцип»[16].

И в завершение анализа проекта РКМЧП обязаны сообщить, что в ноябре 2015 года Генеральная прокуратура России приняла решение о признании нежелательной деятельность на территории России «Института Открытое общество Фонд содействия (*OSI Assistance Foundation*)»[17]. Генпрокуратура увидела в его действиях угрозу основам конституционного строя Российской Федерации и безопасности государства.

В июле 2025 года Генеральная прокуратура России также признала нежелательной германскую неправительственную организацию «Фонд Розы Люксембург». Было установлено, что Фонд «реализует программы и проекты, направленные на формирование протестных настроений и радикализацию молодёжи, а также дискредитацию органов государственной власти России»[18]. Это ещё одна организация, которая непосредственно заявляла себя как центр «критического мышления» и занималась его продвижением.

Сейчас уже понятно, что «Институт Открытое общество» и «Фонд Розы Люксембург» спонсировали варианты «критического мышления» в версии «критической педагогики». Решение Генеральной прокуратуры России подвело под ними черту. Но остался вопрос: может, нам нужно вернуться к истокам, к трудам Дж. Дьюи, к его методу проектов? Убрать всё наносное, идеологизированное, включая термин «критическое мышление», как это сделал и сам Дж. Дьюи. Ответ на этот вопрос находим в истории системы образования России.

После Октябрьской Революции имперская система образования подверглась жёсткой критике. Поиск новой модели школы в Советской России 1920-х годов сопровождался попыткой использования прогрессивных иностранных педагогических идей. Наиболее известными примерами этого стали попытки перенесения в советскую школу метода Дальтон-плана, метода проектов и идей педологии [17].

В 1920-е годы с английского на русский были переведены монографии Х. Паркхерст, Э. Дьюи и Дж. Дьюи об учебно-воспитательной работе по Дальтон-плану. В соответствии с ним, в школе отменили расписание и уроки, а вместо классов создали «предметные лаборатории». Изменилась и программа – её для каждого предмета делили на два уровня: минимальный и максимальный. В начале учебного года ученики выбирали, по какому уровню будут работать.

В отличие от США, где экспериментальные школы, использующие методы Дальтон-плана и проектов, существовали в ограниченном количестве, в СССР метод повсеместно внедрялся в массовую школу под названием лабораторно-бригадного метода [17].

На рубеже 1920-х и 1930-х годов в Европе усилилась международная напряжённость.

[16] Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. – 1963. – Издательство Академии наук СССР. – Т.4. – С. 370.

[17] О включении в перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации, двух организаций. // Сайт Минюста России. – 2015. – 01 декабря. – URL: https://minjust.gov.ru/ru/events/42504/ (дата обращения 03.03.2026).

[18] Фонд из ФРГ объявлен Генпрокуратурой России нежелательным. // Сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2025. – 21 июля. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e5835034/ (дата обращения 03.03.2026).

Мировой экономический кризис обострил противоречия между странами. СССР должен был ответить на эти вызовы прежде всего повышением эффективности системы образования. В период с 1931 по 1936 годов были приняты решения на уровне ЦК ВКП(б), на основе которых были сформированы основные черты всемирно известной советской школы. В качестве коренного недостатка школы на тот момент была констатирована: «неудовлетворительность решения задачи подготовки для техникумов и для высшей школы вполне грамотных людей, хорошо владеющих основами наук (физика, химия, математика, родной язык, география и др.)»[19]. И указаны причины проблемы. Процитируем часть из них, связанную с идеями Дж. Дьюи: «Применяя в советской школе различные новые методы обучения, могущие способствовать воспитанию инициативных и деятельных участников социалистического строительства, необходимо развернуть решительную борьбу против легкомысленного методического прожектёрства, насаждения в массовом масштабе методов, предварительно на практике непроверенных, что особенно ярко в последнее время обнаружилось в применении так называемого «метода проектов». Вытекавшие из антиленинской теории «отмирания школы» попытки положить в основу всей школьной работы так называемый «метод проектов» вели фактически к разрушению школы»[20]. «В практике работы школ получил распространение как основной так называемый, “лабораторно-бригадный метод”, который сопровождался организацией постоянных и обязательных бригад, приведших к извращениям в виде обезлички в учебной работе, к снижению роли педагога и игнорированию во многих случаях индивидуальной учёбы каждого учащегося. ЦК ВКП(б) предлагает наркомпросам союзных республик ликвидировать эти извращения лабораторно-бригадного метода»[21].

Таким образом, десятилетний массовый эксперимент использования идей Дж. Дьюи в советской школе оказался неудачным. По словам российского (до Октябрьской революции) и американского профессора С.П. Тимошенко: «После хаоса, порождённого революционным экспериментаторством, традиционная система была восстановлена. Общая организация школ и методов преподавания очень похожа на ту, что имела место в дореволюционные годы» [18, с. 27].

При этом необходимо отметить, что правильность выводов ЦК ВКП(б) о технологиях Дж. Дьюи косвенно подтвердили и в США. С той лишь разницей, что их эксперимент длился 100 лет. Цитируем: «В США гордятся «прогрессивной школой», разработанной Дж. Дьюи, она хороша тем, что дети в начале года выбирают предметы, которые весь год должны будут посещать в обязательном порядке. У этой модели, безусловно, есть явные плюсы, но есть и один существенный минус: современное содержание образования в такой школе находится на очень низком теоретическом уровне. Особенность американской школы – узкая направленность на свою страну, на какую-то одну, максимум две дисциплины и полное отсутствие широкого диапазона. Кризис американской школы последних лет показал, что «прогрессивная школа» тоже не является образовательной панацеей» [19; с. 360–361].

Подтверждение выводу о кризисе американской школы находим и в книге Д. Халперн. Цитируем: «Идзава и Хейден подвели итоги сравнительного исследования способностей учащихся разных стран. В решении математических задач лучшие из амери-

[19] Постановление ЦК ВКП(б) о начальной и средней школе. Приложение № 5 к п. 31 пр. ПБ № 58 от 25.VIII.1931 г. – URL: https://istmat.org/node/53561?ysclid=mtk7acd25860925479

[20] Там же.

[21] Постановление ЦК ВКП(б) от 25.VIII.1932 г. Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе. Приложение № 6 к п. 19 пр. ПБ № 113. – URL: https://istmat.org/node/57330 (дата обращения 03.03.2026).

канских учащихся показали более низкие результаты, чем самые слабые из японских учащихся; столь же плачевные результаты были получены в результате проверки знания истории и владения навыками чтения. Добавим к этому, что, пожалуй, самой страшной страшилкой писателя-фантаста Айзека Азимова стало его высказывание об истинном состоянии научных знаний американцев. Он заметил, что 20% из более чем 200 взрослых респондентов полагают, что Солнце вращается вокруг Земли. Как могло получиться, задаёт вопрос Азимов, что через 400 лет после того, как учёные пришли к единому мнению, что Земля вращается вокруг Солнца, огромному числу взрослых людей всё ещё неизвестен этот элементарный факт, о котором сообщают в любой средней школе?!» [9, с. 19]. Можем предположить, что у части из этих американцев именно хорошо развитое «критическое мышление» позволило критически оценить общеизвестную информацию и поэтому поверить не школьному учебнику, а своему личному опыту в наблюдении.

Интерес к работам авторов «первой волны» «критического мышления», уходящих корнями к идеям Дж. Дьюи, вновь возник в России в связи с Болонским процессом. Транслировалась идея «критического мышления» как одной из главных целей образования. Особую динамику этому процессу придал доклад ВЭФ *Future of Jobs Report* 2016 года, включивший «критическое мышление» в перечень десяти наиболее востребованных на рынке труда навыков. В том числе и в России появились разработки в области организационных мер по продвижению «критического мышления» как одной из главных целей образования. Цитируем одну из них: «Образовательные учреждения должны выделять бóльшую финансовую поддержку для ликвидации барьеров, препятствующих формированию у студентов навыка критического мышления, проводить модернизацию цифровой и материальной инфраструктуры вузов, направленную на повышение качества материально-технических условий для развития критического мышления, а также институционализировать новые подходы к деятельности внутри организации» [20, с. 14]. Но из Болонского процесса Россия вышла, прогнозы *Future of Jobs Report* 2016 и 2020 годов в области «критического мышления» оказался ошибочным. Поэтому необходимости развивать «критическое мышление» в России как элемент международных договоров и рекомендаций больше нет.

Также часто можно услышать мнение о необходимости развивать «критическое мышление» у детей, чтобы они могли противостоять засилью дезинформации и мошенничества в интернете. Многим родителям это утверждение покажется логичным. С высоты своего жизненного опыта они понимают, что критически нужно относиться только к недостоверной информации или информации из непроверенных источников. Но у детей такого жизненного опыта нет. Объектом их критики и отрицания может стать всё, и прежде всего авторитет самих родителей и учителей, а также знания, опыт поколений и традиционные духовно-нравственные ценности. При этом именно доверие и авторитет родителей и учителей помогает детям не оказаться под контролем мошенников.

Выводы

В эпоху искусственного интеллекта точкой опоры для наших детей и внуков должны стать российские традиционные духовно-нравственные ценности и хорошее образование. Ещё раз вспомним слова нашего Президента В.В. Путина, обращённые к педагогам: «...историческая миссия отечественной системы образования всегда состояла в воспитании гражданственности, патриотизма и ответственности за свою страну… Вы через воспитание сохраняете связь поколений, историческое единство нашей страны. Тем самым формируете прочную основу не только нашей безопасности, технологической,

экономической независимости и самодостаточности, но и духовного, ценностного суверенитета»[22].

Важно также уточнить, что согласно исследованиям отечественных учёных, «образование (в отличие от обучения, инструментально и предметно ориентированного) есть прежде всего ценностно-ориентированная система знаний, формирующая образ личности специалиста как целостного и органичного субъекта культуры» [21, с. 41]. Напомним, что культура в традициях нашей научной школы понимается как исторически накопленный «духовный опыт человечества». Поэтому и передача «духовного опыта» от поколения к поколению подразумевает логику образовательной системы, которую можно выразить семантическим рядом «ценности – цели – задачи – средства». Ценности и смыслы, уважение к авторитету родителей, учителей, к трудам и подвигам предшествующих поколений; сохранение исторической памяти – главное в системе нашего образования/воспитания. Это ключевые понятия, составляющие духовное ядро нашего национального самоопределения как великого единого народа; это тот духовно-нравственный иммунитет, который должен быть привит детям с младенческого возраста прежде, чем у них начнут пытаться формировать «критическое мышление». Помимо приобретения подрастающим поколением знаний о наших духовно-нравственных ценностях, необходимо также вовремя рассказать им о наших ошибках, о той доверчивости к «недружественной стороне», о которой неоднократно говорил наш Президент В.В. Путин.

Истоки такой «доверчивости» ко всему европейскому отмечал в своих «Дневниках» ещё Ф.М. Достоевский. Стоит внимательно вчитаться (хорошо бы – ещё на школьной скамье) в его слова из дневника «Мы в Европе лишь стрюцкие»: «... при алчном желании переродиться в европейцев ... мы начали с презрения к своему и своим, и презрение это всё более возрастало.... Мы дошли до того, что подобострастно виляли перед европейцами, исповедуя им наши европейские взгляды и убеждения, уверяя их в своём страстном желании быть не русскими, а общечеловеками»[23]. Другой выдающийся русский публицист и правовед В.Д. Катков в статье «Молодёжь и её развратители» писал: «... оплёвывая свой народ, правительство и школу, подрывая авторитет Церкви, добрых традиций и Государства, многие родители не подозревают, что готовят в душах своих детей удобную почву для воскрешения лжеучений ... прививают своим детям индифферентизм к народным святыням»[24].

Хорошо бы помнить и слова Н.Я. Данилевского из его знаменитой книги «Россия и Европа», в которой великий мыслитель с изумлением отмечал, что «с необъяснимым упорством Россия в одностороннем порядке пыталась выстраивать отношения дружбы и взаимопонимания, регулярно предъявляя Европе доказательства своей любви и преданности»[25]. Сегодня мы все уже знаем и часто цитируем слова нашего замечательного мыслителя, геополитика, генерал-майора А.Е. Вандама (Едрихина), слова, которые тоже можно считать «прививкой» от нашего «подобострастия и виляния»: «Плохо иметь

[22] Открытие Года педагога и наставника // Сайт Президента России. – 2023. – 2 марта. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/70627?ysclid=mpgr34u4ck520787029 (дата обращения 03.03. 2026).

[23] Достоевский Ф.М. Дневник писателя в 2-х томах. Вступительная статья И.Л. Волгина. – М.: Книжный Клуб 36`6, 2011. – 800+752с. – ISBN: 978-5-98697-174-2. – С. 26.

[24] Катков В.Д. Молодёжь и её развратители // Харьковские Губернские Ведомости. – № № 23, 28, 34 за 1907. – URL: https://dugward.ru/library/katkov_v_d/katkov_v_d_molodej_i_ee_razvratiteli.html (дата обращения 03.03.2026).

[25] Данилевский Н.Я. «Россия и Европа» // Институт Русской Цивилизации. – 2011. – 812 с. –

англосакса врагом, но не дай Бог иметь его другом»[26].

Англицизм *critical thinking* (и его дословный перевод «критическое мышление») пришёл в Россию вместе с программами «Института Открытое общество» Дж. Сороса, «Фонда Розы Люксембург», Болонским процессом, докладами ВЭФ *Future of Jobs Report* 2016 и 2020 годов. Сейчас ситуация изменилась. Перечисленные фонды признаны нежелательными организациями, которые реализуют программы и проекты, направленные на формирование протестных настроений и радикализацию молодёжи, а также дискредитацию органов государственной власти России. Из Болонского процесса Россия вышла, прогнозы ВЭФ не оправдались. Поэтому, сейчас нет объективных оснований и причин использования спорного англицизма *critical thinking* / «критическое мышление» в системе образования России.

Отечественная педагогика всегда базировалась на научных достижениях в области психологии мышления и термин «критическое мышление» является для неё инородным. Он не имеет общепринятого определения ни в России, ни в мире. Поэтому крайне затруднительно строго и однозначно оценить влияние конкретных программ развития «критического мышления» на формирование когнитивных возможностей и личности ребёнка: разные программы вкладывают в этот термин разное содержание, и результаты подобных исследований плохо сопоставимы между собой. Его использование в России в качестве педагогической цели может нанести вред и подрастающему поколению, и нашему обществу в целом.

Что же мы предлагаем взамен? Отнюдь не отказ от самой цели учить молодёжь мыслить – напротив, возвращение этой цели её точного и укоренённого в отечественной традиции имени. Речь идёт о формировании самостоятельного и творческого мышления, навыков аналитической деятельности, включающих способность критически – в исходном, рассудительном значении этого слова – оценивать и проверять информацию, поступающую из любых источников, включая генеративный искусственный интеллект. Эти цели опираются на прочный фундамент отечественной психологии мышления (Л.С. Выготский, А.В. Запорожец, О.К. Тихомиров и др.) и не нуждаются в заимствованном и двусмысленном ярлыке. Необходимо оценивать любую заимствуемую педагогическую технологию не по привлекательности её названия, а по тому, какие цели и ценности она в себе несёт.

Поэтому, опираясь на вышесказанное, сделаем вывод, что в эпоху искусственного интеллекта вместо внедряемого извне концепта «критическое мышление» в приоритеты российской системы образования вновь должна войти традиционная для России педагогическая цель: формирование у обучающихся самостоятельного и творческого мышления, навыков аналитической деятельности. Это позволит развивать интеллект человека и способность продуктивно использовать возможности искусственного интеллекта, защитить от манипуляций и мошенничества.

Литература

1. Лазарев В.В. Философские основы имплементационной деятельности // Журнал российского права. – 2020. – № 9. – С. 5–18. – DOI: 10.12737/jrl.2020.102.
2. Селиханович А.Б. Очерк общей педагогики / 3-е издание. – Киев: «Пётр Барский в Киеве», 1916. – 161 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_rc_2028465/ (дата обращения: 09.04.2026).

[26] Наше положение / А. Вандам. – Санкт-Петербург: тип. А.С. Суворина, 1912. – 204 с.: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003788823/?ysclid=mtk9klnz3752303017

3. Педагогика: Учеб. пособие для пед. ин-тов / Ю.К. Бабанский, Т.А. Ильина, Н.А. Сорокин и др.; под ред. Ю. К. Бабанского. – Москва: Просвещение, 1983. – 608 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_rc_851797/ (дата обращения: 09.04.2026).
4. Тихомиров О.К. Психология мышления: Учебное пособие. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 272 с. – URL: https://archive.org/details/1984_20220308_202203 (дата обращения: 09.04.2026).
5. Запорожец А.В. Избранные психологические труды: в 2 т. – Т. 1: Психическое развитие ребёнка / А.В. Запорожец; под ред. В.В. Давыдова, В.П. Зинченко; Акад. пед. наук СССР. – Москва: Педагогика, 1986. – 316 с., ил., 1 л. портр. – (Труды действительных членов и членов-корреспондентов Академии педагогических наук СССР). – URL: https://rusneb.ru/catalog/000201_000010_BJVVV1013929/ (дата обращения: 09.04.2026).
6. Studies in Critical Thinking. Edited by J. Anthony Blair. Second Edition. Windsor Studies in Argumentation. –Vol. 8. 2021. – 379 p. – DOI: 10.22329/wsia.08.2019.
7. Hitchcock, David, "Critical Thinking", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2024 Edition), Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.). URL: https://plato.stanford.edu/archives/sum2024/entries/critical-thinking/ (дата обращения 04.03.2026).
8. Корнетов Г.Б. К 155-летию со дня рождения Джона Дьюи (1859-1952) // Историко-педагогический журнал. – 2014. – № 4. – С. 33–53. – EDN: TJMEUP.
9. Психология критического мышления / Д. Халперн; [пер. с англ. Н. Мальгина и др.]. – 4. междунар. изд. – Санкт-Петербург: Питер, 2000. – 503 с. – ISBN: 5-314-00122-5.
10. Davies M., Ronald B. The Palgrave Handbook of Critical Thinking in Higher Education. Palgrave MacMillan New York. 2015. – 646 p. – DOI: 10.1057/9781137378057.
11. Поппер К. Открытое общество и его враги: [в 2 томах] / перевод с английского под общей редакцией В.Н. Садовского. – Санкт-Петербург: Междунар. фонд «Культурная инициатива» – Soros foundation: Открытое о-во «Феникс», 1992. – ISBN: 5-85042-063-0. – Т. 1: Чары Платона. – 1992. – 446 с. – ISBN: 5-85042-064-9.
12. Поппер К. Открытое общество и его враги: [в 2 томах] / перевод с английского под общей редакцией В. Н. Садовского. – Москва: Междунар. фонд «Культурная инициатива» – Soros foundation: Открытое о-во «Феникс», 1992. – ISBN: 5-85042-063-0. – Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. – 1992. – 525 с. – ISBN: 5-85042-065-7.
13. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности / пер. с англ. – Москва: ИНФРА-М, 1999. – 262 с. – ISBN: 5-16-000002-х.
14. Сорос Дж. Советская система: к открытому обществу / пер. Т.В. Курашовой. – Москва: Политиздат, 1991. – 220 с. – ISBN: 5-250-01468-2.
15. Заир-Бек С.И. Развитие критического мышления на уроке: пособие для учителей общеобразовательных учреждений / С.И. Заир-Бек, И.В. Муштавинская. – 2-е изд., дораб. – Москва: Просвещение, 2011. – 223 с. – (Работаем по новым стандартам). – ISBN: 978-5-09-019218-7.
16. Шакирова Д.М. Критическое мышление. – Казань: ГАОУ ДПО ИРО РТ, 2019. – Вып. 3. – 146 с. – (Серия «Методология. Технологии. Инновации»). – ISBN: 978-5-6042481-5-7.
17. Рудской А.И., Кабышев С.В., Боровков А.И., Романов П.И., Гришина Н.С. Фундаментальные основы успеха и престижа отечественного инженерного образования // Высшее образование в России. 2025. – Т. 34, № 1. – С. 9–29. – DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-1-9-29.
18. Тимошенко С.П. Инженерное образование в России: пер. с англ. В.И. Иванова-Дятлова; под ред. Н.Н. Шапошникова. Люберцы: ПИК ВИНИТИ, 1997. – 84 с. – URL: http://stroymech.stu.ru/study/Timoshenko.pdf (дата обращения 03.03.2026).

19. Томина Е.Ф. Педагогические идеи Джона Дьюи: история и современность // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – № 2 (121). – С. 360–366. – EDN: NMVCZB.
20. Корешникова Ю.Н., Фрумин И.Д., Пащенко Т.В. Организационные и педагогические условия формирования навыка критического мышления у студентов российских вузов // Университетское управление: практика и анализ. 2021. – Т. 25, № 1. – С. 5–17. – DOI: 10.15826/umpa.2021.01.001.
21. Рудская Н.В. Проблема культурологического образования в техническом университете // Universum: Вестник Герценовского университета. 2013. – № 4. – С. 40–44. – EDN: QGNFVC.

Статья поступила в редакцию 06.07.2026
Принята к публикации 03.08.2026

References

1. Lazarev, V.V. (2020). Philosophical Foundations of Implementation Activities. *Journal of Russian Law*. Vol. 9, pp. 5-18, doi: 10.12737/jrl.2020.102 (In Russ., abstract in Eng.).
2. Selikhanovich, A.B. (1916). *Ocherk obshchey pedagogiki* [Essay on General Pedagogy] (3rd ed.). Petr Barsky in Kiev. 161 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_rc_2028465/ (accessed: 09.04.2026). (In Russ.).
3. Babansky, Yu.K., Ilyina, T.A., Sorokin, N.A., et al. (1983). *Pedagogika: Ucheb. posobie dlya ped. in-tov* [Pedagogy: Study Guide for Pedagogical Institutes] (Yu.K. Babansky, Ed.). Prosveshchenie. 608 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_rc_851797/ (accessed: 09.04.2026). (In Russ.).
4. Tikhomirov, O. K. (1984). *Psikhologiya myshleniya* [Psychology of thinking]: Study guide. Moscow University Press. 272 p. Available at: https://archive.org/details/1984_20220308_202203 (accessed: 09.04.2026). (In Russ.).
5. Zaporozhets, A.V. (1986). *Izbrannye psikhologicheskie trudy* [Selected Psychological Works]: Vol. 1. Mental development of the child (V.V. Davydov & V.P. Zinchenko, Eds.; Academy of Pedagogical Sciences of the USSR). Pedagogika. 316 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000201_000010_BJVVV1013929/ (accessed: 09.04.2026). (In Russ.).
6. Blair, J.A. (Ed.). (2021). *Studies in Critical Thinking* (2nd ed.). Windsor Studies in Argumentation, Vol. 8. University of Windsor. 379 p., doi: 10.22329/wsia.08.2019
7. Hitchcock, D. (2024). Critical Thinking. In: E.N. Zalta & U. Nodelman (Eds.), *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Summer 2024 ed.). Available at: https://plato.stanford.edu/archives/sum2024/entries/critical-thinking/ (accessed: 09.04.2026).
8. Kornetov, G.B. (2014). On the 155th Birthday Anniversary of John Dewey (1859–1952). *Historical and Pedagogical Journal*. Vol. 4, pp. 33-53. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_23007308_95095651.pdf (accessed: 09.04.2026). (In Russ., abstract in Eng.).
9. Halpern, D.F. (2000). *Psikhologiya kriticheskogo myshleniya* [Thought and Knowledge: An Introduction to Critical Thinking] (4th int. ed.; N. Malgina et al., Trans.). Piter. 503 p. ISBN: 5-314-00122-5. (In Russ., abstract in Eng.).
10. Davies, M., Barnett, R. (2015). *The Palgrave Handbook of Critical Thinking in Higher Education*. Palgrave Macmillan. 646 p., doi: 10.1057/9781137378057.
11. Popper, K. (1992). *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi* [The Open Society and Its Enemies]: Vol. 1. The Spell of Plato (V.N. Sadovsky, Ed.; International Foundation "Cultural Initiative" – Soros Foundation: Open Society "Phoenix", Publ.). 446 p. ISBN: 5-85042-064-9. (In Russ.).

12. Popper, K. (1992). *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi* [The Open Society and Its Enemies]: Vol. 2. The Age of False Prophets: Hegel, Marx, and Other Oracles (V.N. Sadovsky, Ed.; International Foundation "Cultural Initiative" – Soros Foundation: Open Society "Phoenix", Publ.). 525 p. ISBN: 5-85042-065-7. (In Russ.).
13. Soros, G. (1999). *Krizis mirovogo kapitalizma. Otkrytoe obshchestvo v opasnosti* [The Crisis of Global Capitalism: Open Society Endangered] (Transl.). INFRA-M. 262 p. ISBN: 5-16-000002-X (In Russ.).
14. Soros, G. (1991). *Sovetskaya sistema: k otkrytomu obshchestvu* [Opening the Soviet System] (T.V. Kurashova, Trans.). Politizdat. 220 p. ISBN: 5-250-01468-2. (In Russ.).
15. Zair-Bek, S.I., Mushtavinskaya, I.V. (2011). *Razvitie kriticheskogo myshleniya na uroke* [Developing Critical Thinking in the Classroom]: A Guide for Teachers of General Education Institutions (2nd ed., rev.). Prosveshchenie. 223 p. ISBN: 978-5-09-019218-7. (In Russ.).
16. Shakirova, D.M. (2019). *Kriticheskoe myshlenie* [Critical Thinking] (Vol. 3). GAOU DPO IRO RT. 146 p. ISBN: 978-5-6042481-5-7. (In Russ.).
17. Rudskoy, A.I., Kabyshev, S.V., Borovkov, A.I., Romanov, P.I., Grishina, N.S. (2025). Fundamental Bases of Success and Prestige of National Engineering Education. *Vysshee obrazovaniev Rossii = Higher Education in Russia.* Vol. 34, no. 1, pp. 9-29, doi: 10.31992/0869-3617-2025-34-1-9-29 (In Russ., abstract in Eng.).
18. Timoshenko, S.P. (1997). *Inzhenernoe obrazovanie v Rossii* [Engineering Education in Russia] (V.I. Ivanov-Dyatlov, Trans.; N.N. Shaposhnikov, Ed.). PIK VINITI. 84 p. Available at: http://stroymech.stu.ru/study/Timoshenko.pdf (accessed: 09.04.2026). (In Russ.).
19. Tomina, E.F. (2011). Pedagogical Ideas of John Dewey: History and Contemporaneity. *Vestnik Orenburgskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Bulletin of Orenburg State University]. Vol. 2 (121), pp. 360-366. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_16031270_13270852.pdf (accessed: 09.04.2026). (In Russ., abstract in Eng.).
20. Koreshnikova, Yu.N., Froumin, I.D., Pashchenko, T.V. (2021). Organizational and Pedagogical Conditions for the Development of Critical Thinking Skills among Russian University Students. *Universitetskoe Upravlenie: Praktika i Analiz* [University Management: Practice and Analysis]. Vol. 25, no. 1, pp. 5-17, doi: 10.15826/umpa.2021.01.001 (In Russ., abstract in Eng.).
21. Rudskaya, N.V. (2013). Problema kulturologicheskogo obrazovaniya v tekhnicheskom universitete [The Problem of Culturological Education in a Technical University]. *Universum: Vestnik Gertsenovskogo Universiteta* [Universum: Bulletin of Herzen University]. Vol. 4, pp. 40-44. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21452921_30718514.pdf (accessed: 09.04.2026). (In Russ.).

The paper was submitted 06.07.2026
Accepted for publication 03.08.2026